

UOT: 930.85.

Лариса Д. Бондарь, Мариам. Г. Сеидбейли**

**ПЕРВЫЙ ГОД РЕСТАВРАЦИОННЫХ РАБОТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
РЕВОЛЮЦИИ, ИСКУССТВА, СТАРИНЫ И ПРИРОДЫ ВО ДВОРЦЕ
ШИРВАНШАХОВ В БАКУ (1932 Г.): В ОТРАЖЕНИИ АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ**

Xülasə

Məqalədə Azərbaycan İnqilab, İncəsənət, Qədimlik və Təbiət Abidələrini Mühafizə Baş İdarəsinin (AzTAMBI) Mərkəzi Dövlət Bərpa Emalatxanaları (MDBE) (Moskva) ilə birlikdə Bakıdakı Şirvanşahlar Sarayının (Xan Sarayı) bərpasının ilkin mərhələsi (1932) təsvir edilir. İlk, bərpadan əvvəlki mərhələyə rəhbərlik müvəqqəti olaraq Az AzTAMBI heyətinə qəbul edilmiş arxeoloq Yevgeniya Georgievna Pçelina (1895-1972) tərəfindən idarə işçisi İvan Pavloviç Şeblikinin (1884-1947) iştirakı ilə həyata keçirilmişdir. 1932-ci ilin əsərləri Azərbaycan Respublikasının Dövlət Arxivində bu məsələyə dair digər sənədlərlə birlikdə saxlanılan Az AzTAMBI -nin 1932-ci il hesabatında, habelə Rusiya Elmlər Akademiyasının Sankt-Peterburq filialında saxlanılan Y. G. Pçelinanın gündəlik qeydlərində və hesabat qeydlərində ətraflı şəkildə təqdim olunur.

Açar sözlər: Şirvanşahlar sarayı, Bakı, Yevgeniya Georgiyevna Pçelina, 1932, Azərbaycan İnqilab, İncəsənət, Qədimlik və Təbiət Abidələrini Mühafizə Mərkəzi İdarəsi

Summary

The article describes the initial stage (1932) of the restoration of the Shirvanshahs Palace (Khan's Palace) in Baku, carried out by the Azerbaijan Central Directorate for the Protection of Monuments of Revolution, Art, Antiquity and Nature together with the Central State Restoration Workshops (Moscow). The management of the first, pre- restoration stage was carried out by the archaeologist Evgenia Georgievna Pchelina (1895–1972), temporarily accepted into the staff of the directorate, with the participation of an employee of the directorate Ivan Pavlovich Shcheblykin (1884– 1947). Works of 1932 are presented in detail in the report of the directorate for 1932, which is stored together with other documents on this issue in the State Archive of the Republic of Azerbaijan, as well as in the diary entries and reporting notes of E. G. Pchelina, stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Shirvanshahs Palace, Baku, Evgenia Georgievna Pchelina, 1932, Azerbaijan Central Directorate for the Protection of Monuments of the Revolution, Art, Antiquity and Nature

* Кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Российская Федерация e-mail: L007@list.ru ORCID: 0000- 0001- 6745-841X

* Доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом историографии стран Востока Института востоковедения имени академика Зии Буниятова НАНА, Баку, Азербайджанская Республика e-mail: mseyidbeyli@mail.ru ORCID: 0000-0001-6827-5885

Азербайджанское центральное управление охраны памятников революции, искусства, старины и природы (АзЦУОП) при Народном комиссариате просвещения Азербайджанской советской социалистической республики (НКП АССР) было организовано «согласно постановлению Коллегии НКП от 20/XII – 1931 г., взамен АЗКОМСТАРИС’а (Азербайджанский комитет охраны памятников старины, искусства и природы), существовавшего с 27 июня 1927 г. (преобразованного из Азербайджанской археологического комитета, положение о котором было в первые утверждено 30 июня 1923 года)» [9, Л. 30]. Первым директором АзЦУОП был назначен Шамиль Мамедов. Как значится в отчете АзЦУОП за 1932 г., управлению «удалось сделать то, чего в течение многих лет безуспешно добивался АЗКОМСТАРИС, а именно, СНК СССР (Совет народных комиссаров Союза советских социалистических республик) своим постановлением от 17 авг(уста) 1932 г. (№ 1309/733) решил отпустить, по смете НКП, на ремонтно-реставрационные работы значительные средства, а именно 30 000 руб. — в 1932 г. на реставрацию Хансарая в Баку и по смете 1933 г. — 170 000 р(уб.), из них 150 000 руб. на реставрационные работы Хансарая в Баку и 20 000 р(уб). на ремонт б(ывшего) Ханского дворца в Шеки (Нухе), а также некоторых других строительных памятников» [9, Л. 33–34].

Вопросу подготовки к реставрации единственного, по оценке сотрудников АзЦУОП, в Закавказье сравнительно хорошо сохранившегося памятника гражданской архитектуры XV в., было посвящено основное внимание управления во второй половине 1932 г. Летом 1932 г. (конец июня – начало июля) Баку посетила Академическая бригада Академии наук СССР в рамках декадника АН СССР в Азербайджане, которую возглавил лингвист, будущий директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР и Института языка и мышления АН СССР имени Н. Я. Марра, академик Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) и в составе которой были этнограф, директор Музея антропологии и этнографии, профессор Николай Михайлович Маторин (1898–1936); востоковед, профессор Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий (1880–1937). Бригада выступала с докладами по языкознанию, истории материальной культуры и антирелигиозной работе [7]. 10 июля 1932 г., вечером Н. М. Маторин выступил в Парке культуры и отдыха им. «Роте Фане» (Парк культуры и отдыха в Баку, получивший название в честь немецкой коммунистической газеты «Rote Fahne» («Красное знамя») газеты «Роте Фане» и открытый в 1931 г. на месте сада «Виллы-Петролеа» (затем — сад им. А. В. Луначарского); сегодня парк им. Низами — *Nizami parkı*) с открытым докладом «Антирелигиозная работа во второй пятилетке» [7, Л. 8]. В тот же день прошло специальное заседание АзЦУОП с участием Н. М. Моторина для выработки основных положений по организации Центрального антирелигиозного музея при Хансарая. 19 июля вновь состоялось заседание с участием академической бригады с обсуждением плана организации антиисламского отдела при будущем музее [9, Л. 40].

До начала работ был заключен договор о проведении совместных работ с Центральными государственными реставрационными мастерскими (ЦГРМ; Москва), реставрационной организацией, созданной художником и реставратором Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), работавшей в Москве в 1918–1934 г., и в Баку был командирован Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955), «опытный архитектор, неоднократно работавший по реставрации строительных древних памятников Средней Азии» [9, Л. 34]. Результатом совместных с ЦГРМ работ должен был стать (после проведения детальных обмеров и обследования) эскизный проект реставрации дворца с сохранением наиболее важных исторических деталей и одновременно приспособлением помещений для музейных целей, «по последнему слову музейной техники, под экспозицию предметов истории материальной культуры Азербайджана в феодальный период и даже ранее» [9, Л. 34]. Сроком составления окончательного проекта был намечен февраль 1933 г.

АзЦУОП и ЦГРМ составили подробный план предварительных работ. Реставрационные мастерские, кроме Б. Н. Засыпкина, представлял также Алексей Дмитриевич Варганов (1905–

1977), участие принимал археолог, сотрудник сектора науки НКП АССР, будущий руководитель отдела археологии Института истории АН АССР, затем — директор Музея истории Азербайджана Исхак Мамедрза оглы Джафарзаде (*İshaq Məmmədrza oğlu Cəfərzadə*; 1895–1982) [14, Л. 10]. В качестве основных задач было определено: провести топографическую съемку дворца и прилегающей территории и, «главное, большие раскопочные работы в самом дворце и во дворе его для того, чтобы обнаружить фундамент здания, его свода, полы, древние и позднейшие дверные и оконные проемы и т. д.» [9, Л. 35].

Для проведения этих масштабных работ в штат АзЦУОП были включены в дополнение к работавшим с 1920-х гг. археологу и этнографу Василию Михайловичу Сысоеву (1864–1933) (ученый секретарь) и эстампажисту-эпиграфисту Иса Азимбекову (Азизбекову) (*İsa Əzimbəyov*; точные годы жизни неизвестны) по приглашению директора Ш. Мамедова: профессор Владимир Сергеевич Елпатьевский (1877–1957) (руководитель естественноисторическим сектором), профессор Газиз Салихович Губайдуллин (1887–1937) (историки архивист, руководитель научно-исследовательской работой), Нина Николаевна Ишкова (для работы в библиотеке и фонотеке), Алескер Кязим оглы Алекперов (*Ələsgər Kəzim oğlu Ələkbərov*; 1895–1938) (археолог и этнограф, фотограф). В штате было также семь технических работников [9, Л. 31].

Тогда же в штат научных сотрудников АзЦУОП были включены Иван Павлович Щерблякин (1884–1947) и Евгения Георгиевна Пчелина (1895–1972), возглавившая работы во дворце в 1932 г. В удостоверении Е. Г. Пчелиной, выданном в АзЦУОП 20 ноября 1932 г., указано, «что она является научной сотрудницей АзЦУОП, на нее возложена по АзЦУОПу ответственность за ведение раскопок в Хансарае» [15, Л. 2]. Благодаря участию этих двух археологов мы располагаем дополнительными источниками по истории проведения реставрационных работ во дворце.

В личном фонде Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) хранятся письма И. П. Щерблякина 1933 г. — пространные и содержательные, содержащие описание работ во дворце, а также других археологических исследований Апшеронского полуострова в 1933 г.. В бумагах Е. Г. Пчелиной сохранился и другой многочисленный материал, относящийся к работам в ханском дворце, в том числе, обширная подборка (463 листа) «История изучения дворца Ширваншахов, Девичьей Башни и других историко-культурных памятников Азербайджана» [15]. Там же дневник работ во дворце в 1932 г. [14] — ежедневные записи Е. Г. Пчелиной, зафиксировавшие работы по помещениям, с указанием дат и исполнителей, с приведением перечня находок; сохранился также список работников [14, Л. 17]. Записи Е. Г. Пчелиной и официальный отчет АзЦУОП [9, Л. 1–12] позволяют получить довольно ясные сведения о том, что было сделано в 1932 г. (в настоящее время эти документы готовятся авторами к полнотекстовой публикации). Кроме того, имеется подборка фотографий дворца (31 лист) времени реставрации [18].

В 1932 г. Е. Г. Пчелина состояла сотрудником Государственного исторического музея и была направлена музеем в командировку в АзЦУОП (Блажко, Застрожнова 2019, с. 10–12), прибыв в Баку со своей семьей — супругом Николаем Николаевичем Пчелиным (1888–1935) [11] и семилетним сыном Георгием [3]. Летом 1932 г. Е. Г. Пчелина участвовала в археологической экспедиции в Мильской степи Азербайджана (Бондарь 2022, с. 123; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 967; 971), а в октябре приступила к работам в Ханском дворце.

В числе предварительных работ АзЦУОП была подборка материала — свидетельства западноевропейских путешественников, которую сделал В. М. Сысоев; И. Азизбеков нашел рукопись с описанием путешествия Зейнаддина шемахинского, совершенного в Баку и по Апшеронскому полуострову в 1716 г., которая представила неизвестные до этого времени сведения о памятниках Баку, в том числе — о Хансарае. АзЦУОП сумел также найти четыре фотографии 1865–1868 г. (фотограф Д. Никитин) [9].

10 октября состоялось совещание в АзЦУОП, на котором были обсуждены работы по реставрации Хансарая [9]. Непосредственные работы, раскопки, начались 16 октября 1932 г. и продолжались до 31 декабря 1932 г. под руководством Е. Г. Пчелиной и наблюдением И. П. Щерблыкина. Как значится в отчетах, было выработано 925 человеко-дней, а число рабочих — землекопов, плотников и т. д. — иногда доходило до 30 человек [14].

3 ноября АзЦУОП провел совещание с участием рабочих [9], а 21 ноября 1932 г. состоялось заседание АзЦУОП с участием представителей ЦГРМ, на котором с подробным докладом выступил Б. Н. Засыпкин. К тому времени в основном были закончены работы по составлению планов, разрезов и обмеров здания (за исключением подземных частей дворца). Отметим, что в распоряжении управления были планы, составленные ориенталистом ориенталист Иваном Николаевичем Березиным (1819–1895) в 1841 г. во время его научного путешествия по Кавказу [1] (фотокопии рисунков дворца из книги И. Н. Березина имеются среди бумаг Е. Г. Пчелиной [18] и археологом и нумизматом Евгением Александровичем Пахомовым (1880–1965), осуществлявшем в 1923 г. частичную реставрацию дворца, будучи заведующим кафедрой археологии и нумизматики Азербайджанского государственного университета [5]. Эти планы были оценены как несколько отклоняющиеся от тех, что были получены в 1932 г. [14].

Итак, к концу ноября 1932 г. представление о состоянии здания было уже получено. «Обмеры показали, — читаем в протоколе заседания, — что здание построено очень правильно. Комнаты прямые, толщина стен одна и та же, геометрические размеры и пропорциональность везде соблюдены. Это говорит о том, что разбивка здания была произведена вполне правильно, что стройка велась точно, размеры частей портала совпадают иногда с точностью до 1 мм, что на стройке работали первоклассные мастера» [14].

На первом этаже открыли 25 комнат, при этом никаких разрушенных стен (вопреки слухам и подозрениям) не было обнаружено, все помещения сохранились. «Все стены, теперь существующие, — это стены периметра древнего здания за исключением южн(ой) части, напр(имер), около караулкитеперь нет балконов, но они, несомненно, были. Как были устроены эти балконы, пока трудно определить, может быть, деревянные, балочные и т. п.» [14]. Определить материал первоначальных полов не удалось, но при этом подтвердили правильность реставрации окон, проведенной в 1923 г. Е. А. Пахомовым. В докладе было обращено внимание на остатки стен «караулки», в которых увидели следы более древнего здания.

«Кладка стены стен караулки и теска камней здесь вообще отличаются от кладки и тески стен основной части дворца. Здесь много бута, мало раствора. Все это более похоже на кладку старой мечети, полуразрушенной, возле мавзолея Дервиша. Все это позволяет думать, что эта зап(адная) часть дворца одновременна со старой мечетью» [14]. Одновременно были обнаружены следы перестройки здания времени пребывания Азербайджана в составе Российской империи. В частности, возведенные в то время непрочные стены предлагалось ликвидировать, в одном случае, напротив, необходимо было доложить первоначальные стены, разобранные в то время. Также проход между двумя комнатами первого этажа был определен Е. Г. Пчелиной как позднейший [14].

«Здание Хансарая, — читаем в докладе Б. Н. Засыпкина, — отличается прочностью, оно главным образом основано на скале; в нижнем этаже пока не закончены раскопки, пол недостаточно выявлен, но ясно, что он, хотя и неровен, но достаточно солиден, на материке; вообще здание построено солидно, прочно. Осадки или деформации стен нигде не замечается. Своды стоят хорошо. Деформация сводов, если где и есть, то очень незначительная, а, если принять во внимание, что в верхнем этаже помещался артиллерийский склад с большой нагрузкой, то следует полагать, что нагрузки от музея и даже от той людской массы, котор(ая) может быть в музее, никакой опасности для здания не представит» [14]. Отдельное внимание обращалось на обнаруженные колодцы, которым исследователи придавали большое

историческое значение и которые датировали временем более ранним, чем постройка дворца, «т(ак) к(ак) некотор(ые) колодцы заходят под пороги комнат и стены». Б. Н. Засыпкин отметил важность их расчистки и исследования, уточняя на примере работ в Самарканде, что самые ценные находки были сделаны в колодцах для уборных и помоек [14].

На втором этаже удалось понять ситуацию с полами. «Вверху пол был глиняный или бутовоглиняный с последующей смазкой этого пола глиной. <...> Камен(ные) полы были только в проходных, но не жилых помещениях, и в пониженных частях комнат, примыкающих к входам и лестницам. Проходя по этим комнатам, обитатели дворца доходили до жилых комнат, входили в них, сняв уже обувь, а в комнатах на полах были циновки, ковры, кошмы. Стены были оштукатурены глиной. <...> По глиняной штукатурке делались алебастровая затирка, и заметна многослойная побелка. Это надо сохранить <...>. В некотор(ых) комнатах сохранились следы захода побелки на пол <...>. Очевидно, и пол по глиняной мазке подбеливался, так же как и сейчас бытует. Внутри вид этих комнат был обычным жильем не особ(енно) богатых людей. Ниши довершают сходство с современ(ным) бытом. Есть следы полочек <...>. Вся обстановка говорит о наличии только самого необходимого, об утилитаризме обитателей. Покрытие глины и штукатуркой объясняется утилитарными целями. Они дают большее тепло. И пол тоже. Только проходные официальные помещения имели камен(ный) пол из плит» [14].

На этом этапе изучения стало понятно, что дворец перестраивался, по предположению Б. Н. Засыпкина, во время пребывания здесь турок, при султанах Османской империи Мураде III в конце XVI в. В целом, второй этаж требовал больших восстановительных работ. «Наружную стену дворца с бойницами неоднократно, перестраиваемую и подновляемую, нужно поднять на 1 м в целях большей охраны участка дворца. На основ(ании) получ(енного) от обмера и раскопок материала можно восстановить дворец в пределах двух периодов – до русских переделок. С наружн(ой) стороны дворец хорошо восстанавливается и VI, и II эт(ажах)» [14].

В завершение выступления Б. Н. Засыпкин высказал мнение о том, что те части дворца, вид и назначение которых не зафиксированы в исторических документах, должны быть приспособлены к современным нуждам без стремления «к восстановлению старины во чтобы то ни стало». Постановлением заседания стало следующее: «Признать, что при реставрации Хансарая в Баку следует стремиться к наилучшему и наиболее целесообразному использованию старого в культурных целях социалистического строительства, а именно, сохранить то старое, которое имеет определенную историч(ескую) документацию, т. е. главн(ым) образом нижн(ий) этаж и приспособить II эт(аж) в значит(ельной) степени под музейное помещение с хорошим освещением, вентиляцией и отоплением, не уничтожая тех следов старого, которые могут иметь крупное научное и обществ(енное) значение, применит(ельно) к лучшим требованиям современ(ной) музейной техники. Тогда реставрирован(ный) дворец ширваншахов явится ценным культурн(ым) памятником эпохи» [14].

О первых результатах работ было сообщено в центральной прессе: 1 декабря 1932 г. в газете «Известия» была помещена заметка «Музей материальной культуры в Ханском дворце», которая сообщала об открытии ряда подземных сооружений, о многочисленных находках керамики и монет XIV в. и пр. [10].

30 декабря 1932 г. на заседании АзЦУОП Е. Г. Пчелина и И. П. Щерблякин сделали доклад «о результатах раскопок и детального обследования». «Эти раскопки значительно дополнили в общем тот сравнительно скудный материал историко-литературного характера, который, согласно задания АзЦУОПа, подобрал по Хансарая В. М. Сысоев В. М. <...>» [9]. В фонде Е. Г. Пчелиной сохранились два черновых рукописных текста отчетного характера: один – на восьми листах, второй – на двух с небольшим (неоконченный) [18]. Являются ли эти тексты черновиком доклада 30 декабря 1932 г., сказать сложно; в любом случае, их «отчетный» характер очевиден.

Во-первых, эти документы более детально формулируют задачи работ 1932 г.: на первом этаже нужно было определить уровень полов и их покрытия, первоначальные дверные проемы и пороги, наличие и устройство подполья; на втором этаже следовало определить план первоначальных стен и позднейших пристроек, найти пазухи сводов и также определить уровень полов и их покрытия, первоначальные дверные проемы и пороги; должен быть исследован верхний двор около главного портала, расчищен заваленный в 1923 г. при реставрации Е.А.Пахомова «крытый ход женщин» «с целью выяснения его конструкции и проверки легенды, что отсюда идет подземный ход в ханскую баню и другие места» (ход обнаружен не был); требовалось провести раскопки в районе караулки для изучения наиболее древней, по предположению, постройки дворца [16].

Этот текст представляет собой детальный отчет с описанием работ в отдельных комнатах дворца и сделанных в них находок. Каждая комната описана под своим номером. Эти помещения хорошо идентифицируются благодаря сохранившимся фотокопиям планов двух этажей [15; 16].

Как сообщает отчет, намеченные работы были выполнены практически в полном объеме; по объективным причинам не удалось произвести расчистку только двух порогов между комнатами. Особо Е. Г. Пчелина обращает внимание на проведение работ «в строгом соответствии с правилами технич(еской) безопасности здания, для чего раскоп(ка) велась под непрерывн(ым) наблюдением архит(ектора) (И. П.) Щепл(ыкина), а также прислан(ного) для консультац(ии) ряда архит(екторов) и инженеров» [14]. Не все комнаты первого этажа были исследованы в полном объеме.

«На недоисследованность некоторых комнат I этажа повлияло также категорическое требование директора АзЦУОП'а Ш. Мамедова не углубляться ниже установленной глубины (на совместном заседании АзЦУОПа и ЦЕГЕРЕМ (ЦГРМ)) вследствие окончания бюджетного года и израсходования бюджетных средств и необходимости, с одной стороны, закончить все задание археологич(еских) раскопок, а с другой – ликвидировать всех рабочих 31 декабря 1932 г.» [14]. Е. Г. Пчелина констатировала также факт того, что в земле в помещениях первого этажа и во дворе сложно проследить наслоения, поскольку она была многократно перекопана. Между тем в некоторых частях дворца наслоения было возможно проследить, и эти пробы были собраны в отдельные коробки, рабочая опись которых также сохранилась [14].

Среди находок — многочисленные черепки (начиная с поливной персидской керамики XVII–XVIII в. и до современной), фрагменты каменных решеток и других каменных деталей, железные вещи конца XVIII в., монеты. На первом этаже были обнаружены многочисленные колодцы и ямы различного хозяйственного назначения; были открыты подземные камеры, одна из них — с хорошо сохранившейся штукатуркой и окраской в сине-голубой цвет. Часть помещений сохранили следы повреждений во время военных операций; в одной из комнат первого этажа (№ 20) было найдено 35 шрапнелей и два обломка чугунного снаряда; Е. Г. Пчелина предполагала, что это последствия событий времен Петра I — взятия Баку в 1723 г. [14].

Только в 1932 г. было сделано около 100 снимков А. Алекперовым [14]. Тогда же И. П. Щеплыкин зарисовал отдельные части дворца; рисунки, согласно данным отчета, составили два альбома [14]. Альбом нами не найден (не известно, сохранился ли он), но о его характере можно судить по, очевидно, аналогичному альбому, составленному И. П. Щеплыкиным во время совместных с Е. Г. Пчелиной предреставрационных работ в осетинском святилище Реком в Цейском ущелье [4]. Также в фонде Е. Г. Пчелиной сохранился рисунок проекта реставрации дворца, сделанный И. П. Щеплыкиным [14].

Таким образом, к концу 1932 г. коллектив АзЦУОП был готов к началу собственно реставрационных работ, в том числе были закуплены необходимые строительные материалы: «песку 200 куб. м, извести 20 тонн, 4000 штук камня гюше и 3000 штук крупного камня патамдара» (ГААР. Ф. 57. Оп. 7. Д. 24. Л. 36). О ходе реставрационных работ дают

представление письма И. П. Щеблыкина 1933 г. [2]. Отметим также, что внимание местных властей было привлечено и к территории, окружающей дворец и другие исторические памятники. В записке, адресованной в Бакинский Совет, НКП просил «привести в порядок участки земли: 1) около Девичьей башни, 2) около Хансарая, — а именно, уничтожить мелкие постройки очень несовершенного типа и устроить тут зелёные насаждения, вроде бульвара, примыкающего к большим бульварам. Это тем более необходимо, что число посетителей, экскурсантов и интуристов, посещающих указанные памятники материальной культуры, уже теперь доходит до 30 000 человек в год и увеличивается с каждым годом» [9]. Одновременно АзЦУОП привлекал внимание к вопросу необходимости ремонта Ханского дворца в Шеки (Нухе) «как втором по исторической важности (и первом по художественной ценности росписи потолков и стен) памятнике прошлого в АССР, характерном для культуры феодальной формации» [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Березин И. Н. (1850).** Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань.
2. **Блажко А. В., Застрожнова Е. Г. (2019).** Путь ученого: биография Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сборник статей по материалам научных чтений, 17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. С.3–35.
3. **Блажко А. В. (2020).** Мать солдата, сын профессора: Е. Г. Пчелина, Г. Н. Пчелин и фронтовые медали // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2 : К 125- летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / сост.: Л. Д. Бондарь, Е. Г. Панкратова (Застрожнова); под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб. С. 23–46.
4. **Бондарь Л. Д. (2022).** Археологические работы Е. Г. Пчелиной на территории Азербайджана в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (предварительные заметки) // “Elm tarixi və elmşünaslıq: fənlərarası tədqiqatlar” mövzusunda Beynəlxalq elmi konfransın materialları (=Третьей международной научной конференции «История науки и наукоеведение: междисциплинарные исследования» материалы). Bakı. С. 120–126.
5. **Бондарь Л. Д., Сеидбейли М. Г. (2023).** Е. Г. Пчелина и И.П. Щеблыкин: материал к истории творческого тандема // Известия СОИГСИ. Вып. 47 (86). С. 128–149.
6. **Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР).** Ф. 57. Оп. 1. Д. 1003 (Материалы декадника Академии наук СССР в Азербайджане (стенограммы совещаний). (1932 г.)).
7. **ГААР.** Ф. 57. Оп. 1. Д. 1004 (Отчет директора Азербайджанского центрального управления охраны памятников революции, искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения Азерб. ССР о проделанной работе АзЦУОП за 1932 г. 6 февраля 1933 г.).
8. **ГААР.** Ф. 57. Оп. 1. Д. 1158 (Протокол заседания, отчет о проделанной работе <...> Азербайджанского центрального управления охраны памятников революции, искусства, старины и природы (АзЦУОП) (за 1934 г.)).
9. **ГААР.** Ф. 57. Оп. 7. Д. 24 (Отчет о деятельности Азербайджанского центрального управления охраны памятников революции, искусства, старины и природы (АзЦУОП) за 1932 г.).
10. **Музей материальной культуры в Ханском дворце** // Известия. 1932. № 331 (4901). 1 декабря.
11. **Онощенко В. В. (2019).** Документы Н. Н. Пчелина в фонде Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сборник статей по материалам научных чтений, 17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. С. 217–226.

12. **Панкратова (Застрожнова) Е. Г. (2020).** Альбом И. П. Щерблыкина «Реком» // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2: К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / сост.: Л. Д. Бондарь, Е. Г. Панкратова (Застрожнова); под ред. И. В. Тункиной, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиева. СПб. С. 98–102.
13. **Пахомов Е. А. (1924).** Бакинский дворец ширваншахов // Путь школы. № 3. С. 105–111.
14. **Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 965 (Полевой дневник раскопок в Хансарае (дворце Ширваншахов в Баку). (1932–1933 г.)).
15. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 966 (История изучения дворца ширваншахов, Девичьей Башни и других историко-культурных памятников Азербайджана).
16. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 967 (Перечень историко-культурных памятников на территории Куро-Арсинской равнины и Мильской степи. 1931–1932 г.).
17. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 968 (Планы комплекса зданий и раскопок во внутренних помещениях и верхнем дворе дворца ширваншахов в Баку).
18. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 969 (Баку. Ханский дворец. Фотографии (1932–1933 г.)).
19. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 970 (Баку. Ханский дворец. Фотографии (1932 г.)).
20. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 1. Д. 971 (Археологические разведки по Азербайджану).
21. **СПбФ АРАН.** Ф. 1017. Оп. 3. Д. 69 (Документы (Е. Г. Пчелиной) о работе в АзЦУОП).

Статья принята к публикации: 17 апреля 2024 г.
Rəyçi: *sosiologiya üzrə fəlsəfə doktoru Nadejda Aşeuova*